

Начало пути

Челябинск ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ АРИСТОВ

ТЕАТР неизбежно погибнет, если не будет открывать новые актерские имена. Это почти закон.

Много хороших знакомств произошло за последнее время в зале Челябинского драматического театра. Некоторых исполнителей зритель видел уже и раньше, но неожиданно на каком-то спектакле вдруг обнаружилось подлинное и интересное лицо художника. Это тоже было знакомство. Некоторые и в самом деле в первый раз вышли на сцену

— правильно ли выбрал режиссер исполнительницу? А потом как-то незаметно актриса стала убеждать, т. е. не убеждать, конечно, а просто сидящие в зале перестали замечать, что перед ними взрослый человек, а не девочка. Произошло это от того, что мы увидели душу ребенка, остальное добавилось само собой.

М. Гаврилова выделила два мотива: детская наивность, непосредственность и шаловливость героини, которые лишь подчеркивают дру-

ся, релетируя встречу с Колей. И снова сцена с отцом, почти точно повторяющая соответствующую сцену из предыдущей картины. Дочь ласкается к отцу, «третьюшкой об его руку», «целует его руку». Ребенок милый, нежный и жизнерадостный. И вдруг как взрыв бомбы вопрос на спокойной, по взрослому серьезной интонации: «А скажи, папа... Ты уже совсем не любишь маму?».

Кончилось детство, это трагедия, настоящая взрослая трагедия.

Финал — завершение трагедии: ребенок, которому не заслуженной обидой сократили детство, у которого новая любовь отца украла последние годы детства. Для Нины отец умер, из родного, дорогого существа стал «этим человеком». Дом перестал быть домом, счастье ушло. В последней картине пьеса особенно ясно утверждает: ребенок столь же глубоко, как взрослый, переживает горе, разве что — не все до конца понимает.

И, кажется, здесь М. Гавриловой не хватило. Ее слезы слишком обыкновенны и заурядны. Так расстраиваются по пустякам: конфету не дали, в кино не отпустили. За этими слезами не стоит покалеченная душа маленького человека. Тут надо играть не просто обиду и неприятность, тут надо играть трагично.

Не все удалось. Это так. Но М. Гаврилова победила в главном потому, что искала в героине свою тему, характер, а не внешнюю характерность. Это путь пытливого художника. Это первый заслуженный успех.

Ю. БАБУШКИН.

М. Гаврилова в роли Нины.

Рис. Н. Гилева.

местного театра. Молодежь не всегда играет крупные роли, но дарования чуткий зритель все равно не проглядит.

Ю. Брегер не потрясал публику монологами Чацкого, не душил Дездемону, а его знают, любят, о нем говорят. Добрый юмор Ю. Брегера, человечность не осталась без внимания. В Милосердову не удался Рыбаков из «Кремлевских курантов», но он быстро нашел себя в ролях другого плана — Степе Романкине («Когда горит костер»), Коле («Одна»). Теперь появление В. Милосердова на сцене встречается ласковой одобрительной улыбкой зрителей.

Но, пожалуй, самое интересное знакомство последних месяцев — встреча с М. Гавриловой, сыгравшей девочку Нину в драме С. Алешина «Одна».

Исполняя роли детей, чаще всего стремятся к одному: быть на сцене во что бы то ни стало похожим на ребенка, дать внешнюю характерность.

Это нередко приводит к мимолетному успеху, но это простейший, наименее интересный путь. М. Гаврилова отказалась от него. Она решила покопаться в душе пятнадцатилетнего человека, здесь сосредоточила свое внимание.

Когда поднялся занавес на спектакле «Одна», сразу же стало не по себе. По сцене бегала великовозрастная девица: нарочито короткого платья не было, беспорядочной прически не было, оттопыренных локтей и согнутой шеи, традиционно обозначающих стремительность и подвижность подростка, не было, резкого скрипа в голосе тоже не было. Ничего не было такого, что бы для нас привычно ассоциировалось с театральным ребенком.

И в начале первой картины трудно привыкалось к необычному, мучили сомне-

ние — правильно ли выбрал режиссер исполнительницу? А потом как-то незаметно актриса стала убеждать, т. е. не убеждать, конечно, а просто сидящие в зале перестали замечать, что перед ними взрослый человек, а не девочка. Произошло это от того, что мы увидели душу ребенка, остальное добавилось само собой.

М. Гаврилова выделила два мотива: детская наивность, непосредственность и шаловливость героини, которые лишь подчеркивают дру-

гое и главное: совсем недетскую драму девочки.

Не слишком, правда, выразительна первая картина. Здесь характер Нины еще не обещает чего-то интересного и значительного.

Но уже со второго появления, в четвертой картине, замысел М. Гавриловой начинает определяться. Маленькое, быстро проходящее, пока еще вполне ребячье горе переполняет Нину: она напомнила отцу о дне рождения, и он, вероятно, торопясь с работы, попал под машину. Здесь больше счастья любви к отцу, чем настоящего горя, это скорее смешно, чем драматично. И, развивая эту тему, актриса поднимается до прекрасного, может быть, лучшего эпизода в шестой картине — Нина с отцом. В тексте этой сцены не так уж много смешного, но зал смеется. Это радость увиденной большой правды на сцене.

И овягь — так М. Гаврилова не идет протоптанной дорожкой. Она не ходит на голые, потешая публику. Мизансцена чрезвычайно сдержанна, нарочито проста. Дочь прикорнула к отцу, и они ведут тихую ласковую беседу. Уютно, тепло, сердечно. И тут исполнительница на контрасте выделяет другую тему. Она постаралась максимально акцентировать маленькую реплику.

Отец спросил: «Ба! Откуда эта прическа? С бантом». Удивленные, почти испуганные глаза Нины, растерянный полушопот: «Уже давно. Эх ты, папка...».

Платонов уже ушел душою от жены и закономерно уходит от дочери. Она теряет самое дорогое в жизни — отца. В зале неожиданно стало холодно, люди зябко поежились.

В шестой картине только намек, в следующей — сосредоточена вся суть характера Нины, М. Гаврилова — Нина заразительно резвит-